

Останкович Анатолий Вячеславович

ОБРАЗНО-СИМВОЛИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОНЕТАХ Г. В. ГОЛОХВАСТОВА

В статье исследуются сонеты на сюжеты из отечественной истории главы поэтической школы русских "американцев" Г. В. Голохвастова. На основе описания и анализа образно-смыслового содержания их инвариантных концептов - "Русь", "государство", "правитель" - обосновываются идеологические и образно-символические основы российской цивилизационной идентичности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/10-2/34.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (52): в 2-х ч. Ч. II. С. 129-132. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Наш анализ показывает, что в художественных произведениях производный предлог *в отличие от* в составе предложно-падежных форм на протяжении XIX-XXI веков сохраняет семантику различия объектов сопоставления, фиксирует главным образом отличия двух людей по неким признакам. При этом наше исследование показывает, что разнообразие оснований сравнения возрастает от XIX к XXI веку. Этот факт может говорить о том, что предлог *в отличие от*, постепенно проникая в художественный стиль, укрепляется в нем и представляет собой обширный материал для дальнейшего изучения процесса его становления.

Список литературы

1. **Национальный корпус русского языка** [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.02.2015).
2. **Черкасова Е. Т.** Переход полнозначных слов в предлоги. М.: Наука, 1967. 280 с.

**DERIVATIVE PREPOSITION *В ОТЛИЧИЕ ОТ* (AS OPPOSED TO)
IN THE FICTION OF THE XIX-XXI CENTURIES**

Maslova Antonina Valer'evna
Voronezh State University
antonina.maslova@gmail.com

The article examines the dynamics and semantics of the prepositional case form with the derivative preposition *в отличие от* (as opposed to) in the literary works of the Russian writers of the XIX-XXI centuries. The paper aims to show that the derivative prepositions formed in the scientific, publicistic and other bookish styles, gradually, though with delay, penetrate into the fiction. The author discovers the growth of the analyzed prepositional case form in the literary works of the XX-XXI centuries and the growth in the diversity of features according to which the writers distinguish the humans from each other, and later on – from inanimate objects.

Key words and phrases: derivative prepositions; prepositional case form; dynamics of the form with the preposition *в отличие от* (as opposed to); Russian fiction; objects of comparison; distinctive features of the people; developing the semantics of a form.

УДК 801.675.2

Филологические науки

В статье исследуются сонеты на сюжеты из отечественной истории главы поэтической школы русских «американцев» Г. В. Голохвастова. На основе описания и анализа образно-смыслового содержания их инвариантных концептов – «Русь», «государство», «правитель» – обосновываются идеологические и образно-символические основы российской цивилизационной идентичности.

Ключевые слова и фразы: Голохвастов; сонет; цивилизация; идентичность; нация; концепт; Русь; правитель; государство; композиция.

Останкович Анатолий Вячеславович, д. филол. н., доцент
Северо-Кавказский федеральный университет
ost_av@mail.ru

**ОБРАЗНО-СИМВОЛИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ В СОНЕТАХ Г. В. ГОЛОХВАСТОВА[©]**

Цивилизационная самоидентификация является чрезвычайно важной процессуальной сферой сознания, которая сохраняет и деятельно поддерживает в многомерном и постоянно изменяющемся мире культурно-исторические и ментальные ценности народа, определяет его представления о своей принадлежности к той или иной цивилизационной общности (например, к западной, православной, исламской...). Проблеме цивилизационной принадлежности России уже почти 300 лет. Наибольшую популярность и авторитет среди научного сообщества в определении характера ее идентичности имеют два подхода. Первый признает Россию страной-цивилизацией, и поэтому российская идентичность трактуется как идентичность цивилизационная; второй – отождествляет «российскую идентичность» с идентичностью гражданской, что обусловлено противопоставлением России как государства и России как цивилизации [3, с. 80-82]. Результаты настоящего исследования позволяют считать Россию страной-цивилизацией.

Главная ценность любого народа, которая сохраняется вне времени и позволяет относить его страну к полноценной цивилизации, – это его культурное наследие, представленное прежде всего в произведениях искусства, выражающих самосознание и аккумулирующих в себе исторический и социальный опыт. Поэтому через анализ и интерпретацию национальных произведений искусства, в нашем случае, сонетов

Г. В. Голохвастова, можно приблизиться к пониманию основ российской цивилизационной идентичности как феномена личностного и массового самосознания.

Г. В. Голохвастов, Е. А. Христиани, В. С. Ильяшенко, Д. А. Магула и др. создали поэтическую группу русских «американцев», объединившихся в США в результате первой волны эмиграции. Георгий Голохвастов – самый значительный представитель этой группы и ее неофициальный лидер. Исторические и социальные условия эмиграции Голохвастова, позволившие избежать личного участия в братоубийственной гражданской войне, феноменальный кругозор и поэтический дар способствовали формированию уникального поэтического мировоззрения, выражающего самобытное русское сознание и менталитет.

Для выявления ценностных основ цивилизационной идентичности в литературно-художественных произведениях целесообразно использование понятия «концепт» – смыслового образования, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода, имеющего символическую природу, находящегося за пределами логических законов, ориентированного на образность и активизацию потенциальных значений [1, с. 270]. Концепт отражает жизненный опыт носителя. Он «не только мыслится, но и переживается» [4, с. 42]. Для настоящего исследования такое понимание концепта может быть принято в качестве основы, поскольку точкой отсчета мы считаем факт закреплённости самобытного сознания за отдельно взятой личностью, ощущающей себя частью национального целого.

Голохвастов настойчиво реализует в сонетах важнейшие национальные концепты: «Русь», «государство» и «правитель», которые закреплёны в российском культурном коде как цивилизационные символы. В произведениях поэта их сопровождают устойчивые ассоцианты, субъективно осмысленные, но существующие на основе априорного знания личности.

Центральный, или инвариантный, концепт, системно центрирующий все остальные – «Русь». Из-за полного осознания невозможности возврата к дореволюционному прошлому топоним «Россия» у Голохвастова теряет актуальное значение, поэтому поэт постоянно обращается к концепту «Русь», но не в историческом, географическом или хроникальном (Киевская Русь, Московская Русь, Российская Империя...), а в ментальном смысле. Русь – это вся ее история, от первоисточков до современных поэту событий, это богатейшее культурное и историческое наследие, это всеединство проживающих на ее территории народов. В его творчестве «Русь» становится целостной архетипической единицей, основанной на глубинных родовых и личностных представлениях. «Русь», в авторском осмыслении – концепт неоднозначный. С одной стороны, это безграничное и могущественное государство вне времени и пространства, но с другой – это навсегда потерянная страна, невозвратимая, сегодня чуждая и враждебная. Но для поэта российская цивилизация существует только в форме государства и никак иначе – анархия и разобщенность недопустимы, поэтому концепт «государство» обретает сверхценность, и «Русь» становится синонимичной «государству». «Государство» в России в обязательном порядке предполагает наличие концепта «правитель», образ которого в поэтической трансформации обычно передает наиболее характерные ментальные черты всего народа. Ассоциантами концепта «правитель» являются «мудрость», «сила», «величие». «Правитель» – это не человек определенной эпохи, а общий тип, наделенный вполне конкретными качествами, относительно постоянными и неизменными.

В цикл сонетов на исторические сюжеты Голохвастова входит сонет «Свидание», событием для которого стал приезд Киевского князя Святослава к императору Византии Иоанну Цимисхию, тоже знаменитому и отважному воину-полководцу, для обсуждения условий мирного договора после ряда кровопролитных сражений второго Дунайского похода князя: *Верхом, Цимисхий ждет у шумных вод Дуная, / С ним пестрая толпа вельмож, солдат и слуг; / Звенит оружие, бряцает сталь кольчуг, / И ржаньем тишина разбужена степная. // Под латами царя одежд парча цветная; / Забрало легкое из тонких светлых дуг / Он поднял, глядя в даль. Там волны режет струг, / Упрямую корму в их пену окуная. // С веслом, как все гребцы, причалил Святослав; / В рубахе с поясом, он прост, но величав, – / К вчерашнему врагу он прибыл безоружен. // В глазах – фиордов синь, за ней – железный нрав; / Навис на ухо чуб, и, сажень меж жемчужин, / В сереге рубин горит, на солнце запылав* [2, с. 3].

Событием для сюжета поэт избирает не эпизод воинской славы легендарного князя (присоединение земель вятичей, победы над древлянами, хазарским каганатом, волжскими и дунайскими болгарами, ряд удачных сражений с Византией...), а момент заключения вынужденного мирного соглашения, по которому Святослав с изрядно поредевшим войском и захваченной ранее добычей был отпущен византийцами восвояси. Голохвастов почтительно оценивает образ князя-воина, несмотря на сложность ситуации сохранившего достоинство и отвагу.

Сонет подчеркивает непротиворечивую двойственность князя: он первый среди равных, он побежден, но полон достоинства. Естественность Святослава оттеняется противоположностью блестящего облика Цимисхия, окруженного войском, но не единому с ним. Звон, бряцание византийского оружия и лат подчеркивают силу «железного нрава» безоружного Святослава и прибывших с ним дружинников. Правитель – полководец-воин, в полной мере разделяющий судьбу войска – устойчивый мифологизированный образец, периодически воскрешаемый в национальном сознании: Дмитрий Донской, Петр I, Ушаков, Суворов, Кутузов и др.

В сонете «Победа» Иван III – великий «правитель», потому что его царствование – это время начала торжества и величия Руси: *По-за Окой орда раскинула шатры; / За новой данью в Кремль пришел посол со свитой... / И зван он на прием в палате Грановитой, / Где в окна бьют лучи полуденной поры. // Над Царским местом сень. Царьградские ковры; / С Орлом Двуглавым стяг распущен нарочито. / Бояре в золотых*

застыли сановито, / И на плечах у рынд мерцают топоры. // В венце и бармах Царь. Он поднял Русь из праха: / От Византии взял он блеск и мощь размаха, – / Татарским данником невместно быть ему. // И увидал баскак, затрепетав от страха, / Что Иоанн ступил на ханскую басму... // А солнце крест зажгло на шапке Мономаха [Там же, с. 11]. Картина приема посла наполнена державным смыслом: он является в Грановитую палату из степи, туда, где «над царским местом сень». Монументальность и роскошь царских палат олицетворяют силу и могущество Руси, а Иван III не только князь, открыто объявивший волю Руси Золотой Орде, но и наследник могучей Византийской Империи.

Окончательное избавление от данничества оказало огромное влияние на формирование российской государственности, заложило основы будущей абсолютной монархии, а политика Ивана III (присоединение Тверского, Псковского, Смоленского и Рязанского княжеств) способствовала образованию единого русского государства и формированию великорусской нации. Именно поэтому образ Ивана III можно считать самым величественным во всем цикле сонетов Голохвастова на историческую тематику.

Сонет «Король и царь», напротив, акцентированно изображает личностные черты «правителя». Петр Первый чужд роскоши и нравам дворца Тюильри. «Московский» царь, взявший на руки малолетнего короля Людовика XV, смутил чопорных придворных, но при этом не утратил своего достоинства; он идет впереди «обеих чванных свит», как бы символизируя мощь, силу и мужское обаяние своей личности, сливающейся с новой, создаваемой по его воле Россией: *Камзолы, кружева, и ленты, и алмазы. / Прием торжественный готовит цвет двора / Царю Московскому. На всех устах с утра / О госте северном чудесные рассказы. // А там, у лестницы, где мраморные вазы / Белеют с двух сторон багряного ковра, / В кругу советников, Людовик ждет Петра, / В огромном парике ребенок большезлазый. // Но дрогнул сонм вельмож... Рванулся... Клик гремит. / Где чопорность маркиз? Их пудренных ланит / Огонь взволнованный пылает беззаконно. // По залам, впереди обеих чванных свит, / Смеющийся, несет до самой сени тронной / Малютку Короля могучий Московит* [Там же, с. 7].

В данном сонете «правитель» отделен как от чужих, так и от своих. Он уже царь, а не князь-воин, хотя и ведет себя как человек родовой по отношению к другому – императору-ребенку (чем и вызывает симпатию у поэта-соотечественника). Презревший традицию приемов Петр – это и символ «правителя», на которого не распространяются нормы жизни простых смертных и даже правила дипломатического этикета, которому следуют иноземные монархи. Наш «правитель» в массовом сознании всегда исключителен и прав, хотя, возможно, что ребенка Людовика XV так сильно напугал «могучий Московит», что он во все время своего правления оставался последовательным и непримиримым врагом России.

Объяснима мотивация Голохвастова, обратившегося к образу Петра I, создателя могущественной империи, неограниченного самодержца, деспота и тирана. Таков его образ в сонете «Царевна Софья». Но Софья в нем далеко не смиренная жертва, и в ее сердце горит праведный гнев за насильно отобранную власть и любовь: *Благоуветливость монашеской светлицы; / Сквозь пеструю слюду играет луч цветной, / Чуть пахнет ладаном... А в сердце гнев хмельной / Горит под смирной одеждою черницы. // Несносен Софье плен. Для этой ли темницы / Разрушила она, смеясь над стариной, / Неволю теремов – вступила в мир иной, / Познала жизнь, любовь, борьбу и власть царицы. // О, только б краткий срок! Вновь кликнуть удальцов... / Как соколы, слетят бойцы со всех концов, / За раскрасавицу Царь-Девку стать горою... // Эх, полно! Что зовешь, царевна, мертвецов! / Не за окном ли там, в глумленьи над сестрою, / Повесил страшный Петр ей преданных стрельцов* [Там же, с. 6].

Софья воплощает берущий начало от княгини Ольги тип сильной женщины-правительницы, желающей и способной самодержавно управлять страной. Она, как и Петр, хочет продолжить реформы их отца, царя Алексея Михайловича Тишайшего, но для этого ей нужно стать царицей. Кроме того, она не желает ограничивать свою личную свободу, не может безропотно принять судьбу заточенных в монастыри и терема цариц, царевен и боярынь. Но борьба с братьями закончилась поражением. «Повесил страшный Петр ей преданных стрельцов» [Там же], – стих становится квинтэссенцией всех ужасов и бесчинств петровской эпохи, и в ней весь Петр – всевластный, всеокрушающий. Таков «правитель» новой империи, который, работая на верфях, вникает во все тонкости корабельного дела, не гнушается есть и пить с матросами, щедро награждает за отвагу, талант и сметливость, но в то же время он страшный во гневе самодержец, самолично пытающий и рубящий головы, для которого неважно, кто посягнул на его власть – сестра или сын, потому что только абсолютная покорность подданных может обеспечить свободу и возможность воплощения замыслов, личную безопасность «правителя» в России.

Сонет «Царевна Софья» в значительной мере обращен и к личной судьбе поэта. Мировоззрение Голохвастова таково, что он ощущает себя неотъемлемой частью единой истории как народа, так и государства: Софья для него – это не только опальная царевна, но и символическое воплощение судьбы тысяч русских людей, насильно «заточенных» в чужих странах.

Осознание необходимости национального единения всегда приходит в переломные и трагические моменты истории народа. Сонет «Победитель и побежденный» воссоздает психологическое восприятие событий Отечественной войны 1812 года, когда враг уже занял разоренную и сожженную Москву. Москва не случайно названа «священным городом», она символизирует всю Русь, объединившуюся под ее началом в государство. Поэтому Наполеон в сонете ждет ответа на свои предложения о мире именно в Кремле, в самом сердце Москвы и Руси. В отличие от рассматриваемых ранее сонетов образ российского «правителя» приобретает иные черты – в нем нет ничего от непоколебимой властности Петра I или от легендарной эпической мощи Святослава, но есть чувство попраемого национального достоинства и непреодолимое желание

мести врагу, объединяющее императора с народом, как человека с другими людьми: *He стит и Александр. Ненастный плач Невы; / Долга сомнений ночь. И где ж от дум защита?.. / «Не дрогнуть, устоять, отмстить за стыд Тильзита... / Мне заплатит должны Парижем пленным вы»* [Там же, с. 9].

Таков император Александр I – рациональный и осмотрительный, трезво планирующий ход войны, осторожно принимающий решения и строго взвешивающий каждый шаг. Если образы Святослава, Петра I, царевны Софьи и Ивана III выписаны в сонетах преимущественно в мифологизированном восприятии, то психологический портрет Александра I дан в рационально-реалистической манере, мотивирующей единство «правителя» и нации.

Сонеты Голохвастова содержат художественно разработанные концепты российской цивилизационной идентичности. В этом смысле представляет интерес версификация жанрово-строфической формы, в которой они выразились. Сонет – форма европейской поэзии, имеющая три основных типа: итальянский, французский и английский. Отечественная версификация не выработала устойчивых структур субстроф в сонете. Но архитектура рифмосочетаний в сонетах Голохвастова даже на фоне вольной отечественной традиции глубоко индивидуальна и на удивление устойчива: **abba abba ccd cdc**.

Охватные сквозные рифмы катренов восходят к французской жанровой традиции. Строение же терцетов – черта сонетного идиостиля поэтической индивидуальности. Терцеты на две рифмы свойственны итальянской версификации, но при их равновесном количественном соотношении **3 к 3: cdc dcd**. Смежная рифмовка начальных стихов терцетов характерна для французского типа сонета: **ccd eed** или **ccd ede**, также сохраняющего количественную симметрию рифм: **2 – 2 – 2**. Используя французскую схему чередования рифм, Голохвастов меняет их количественное соотношение на асимметричное: **4 к 2**. Неординарность и многократная повторяемость решения при несомненной изощренности строфического мышления поэта побуждают разобраться в значении исключительно индивидуального строения терцетов для гармонического целого сонета. Знаком композиционных частей в сонете Голохвастова служит отсутствие и наличие рифменных альтернансов на границах строф. Как знак наличия второго кульминационного центра можно расценить «неправильную» форму терцетов сонета: **ccD cDc**. Двустипшие в начале шестистипшной строфы «приводит к ритмическому и интонационному эффекту, сравнимому с решением задачи, ответ которой известен нам наперед... Обыкновенно в шестистипшии (2 + 4) вначале дается тезис, а затем следует его развитие...» [5, с. 194]. Оценка О. И. Федотовым содержательных возможностей формы касается терцетной части на три рифмы: **ААВ ССВ** и **ААВ СВС**. Но так как в сонетах Голохвастова рифма 11-го стиха транслируется на 13-й стих, то характер развития содержания в терцетной части сонетов частично сходен с композицией традиционных шестистипший. Частично, потому что «меньшая», шестистипшная часть, сонета состоит из двух субстроф-терцетов и является частью его подвижно-равновесного целого. Наличие второго кульминационного центра значительно обогащает композиционные возможности жанрово-строфической формы.

Форма в поэзии – всегда содержание, в том числе и личности автора, в случае Голохвастова – русского «европейца» и русского «американца», естественно творящего в пространстве всех цивилизаций. В своих индивидуально модифицированных сонетах поэт, пребывающий в условиях североамериканской эмиграции, на основе фундаментальных национальных ценностей создал полноценный художественный образ российской цивилизации.

Список литературы

1. Аскольдов-Алексеев С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории к структуре текста: антология. М.: Academia, 1997. С. 267-279.
2. Голохвастов Г. В. Лебединая песня: несобранное и неизданное [Электронный ресурс]. URL: <http://www.litmir.co/br/?b=175381> (дата обращения: 18.08.2015).
3. Жаде З. А. Цивилизационная идентичность России в глобализирующемся мире // Человек. Сообщество. Управление. 2007. № 1. С. 80-90.
4. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. 982 с.
5. Федотов О. И. Основы русского стихосложения. Теория и история русского стиха: в 2-х кн. М.: Флинта: Наука, 2002. Кн. 2. Строфика. 488 с.

FIGURATIVE AND SYMBOLIC FOUNDATIONS OF THE RUSSIAN CIVILIZATIONAL IDENTITY IN SONNETS BY G. V. GOLOKHVASTOV

Ostankovich Anatolii Vyacheslavovich, Doctor in Philology, Associate Professor
North-Caucasus Federal University
ost_av@mail.ru

The article studies the sonnets on subjects from the national history written by G. V. Golohvastov, who was the head of the poetry school of the Russian “Americans”. Basing on the description and analysis of figurative and meaningful content of their invariant concepts – “Russia”, “state”, “ruler” – the ideological and figurative-symbolic foundations of the Russian civilizational identity are substantiated.

Key words and phrases: Golokhvastov; sonnet; civilization; identity; nation; concept; Russia; ruler; state; composition.